

Сияй, Нижнетуринская звезда!

*Сияй,
Нижнетуринская
звезда!*

*Сияй,
Нижнетуринская
звезда!*

Сборник стихов

*250-летию
Нижней Туры
посвящается*

*Екатеринбург
«Чайонд»
2006*

ББК 84 (2 Рoc = Pyc) 5

*Филипп
Саноцкин*

Сияй, Нижнетуринская звезда — Сборник стихов. Издательство ООО «Чаронд», 2006. — 248 с.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Пономарев
Т. Вахрушева
Л. Терехова
Н. Базарова
М. Семячкова

© Оформление ООО «Чаронд», 2006
© Н. Андресса, 2006
© А. Кузнецов, 2006
© Е. Лыжник, 2006
© А. Пономарев, 2006
© Н. Селин, 2006
© Ф. Саноцкин, 2006
© Фото Т. Вахрушева, 2006

ISBN 5-94166-073-1

Родился я в октябре 1938 года, в самый расцвет культа личности «отца всех народов». В страшные, голодные, холодные последние годы жил с родными на выселке, или хуторе, Баганята. В 1965 году окончил филфак Уральского госуниверситета им. Горького. Работал в газетах, учительствовал. Бедствовал и бедствую до сих пор.

Стихи пишу с первого класса. Приверженец традиционной классической поэзии и противник мо-

дернистских и всяких постмодернистских вывихов, особенно андеграунда и современной, страшно осложненной метафоричности, доходящей в стихах иных поэтов до абсурда. Судите сами:

Сада зимний стоерос
Ознобит структуру слез.
И стоишь на звонкой глине,
Как на детской половине.
Где с небес открыты рты
В новый ужас красоты.

Непонятно? Да, ребус да и только, который и решать-то не хочется. Автор этого опуса — Ю. Казарин, возглавляющий сейчас отделение екатеринбургских писателей.

Я убежден: стихи должны быть понятны не одним утонченно-изысканным снобам, но прежде всего — любому и каждому человеку, как об этом писал А.Т. Твардовский:

Бот стихи. А все понятно —
Все на русском языке...

А еще я часто твержу назидание Б. Л. Пастернака:

Стыдно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех...

Бот это по мне. На том и стою.

С юбилеем, Нижняя Тура!

Раньше думай о Родине,
А потом о себе.

Из песни

Бот и пришла помпезная пора —
Плывет по кругу золотая чаша.
С днем рождения, Нижняя Тура!
С юбилеем, труженица наша!

Ты в летописях древних не гремишь,
Историки не занесли в скрижали.
Перед столпом Шайтаном ты стоишь,
Как скромница, в простой сосновой шали.

Взгляни назад, в дремучие века:
Завод... Плотина... Крицы... Углежоги...
Здесь плавили чугун. Тура-река
Служила человеку для подмоги.

О прашуры! Как вы родной Урал
Прославили своей высокой мерой!
На вас, в веках бесправных, жребий пал
Опорой всей России стать и верой.

Потомкам нашим мыслью не объять,
С трудом поверят внуки древним былям,
Как тут взрывали, строили, бурили,
Мужали и учились побеждать.

А город у Шайтана подрастал
В жару и на морозе ошалелом.
Сдавала сталь, звения остекленело,
Но богатырь-уралец — не сдавал!

Ты хорошеешь, Нижняя Тура,
И отступает старина седая...
Но ты — прошу я росчерком пера —
Нужна нам древняя и молодая.

Снуют авто... Грохочут поезда...
Шумят заводы золотого края...
Сияй, нижнетуринская звезда,
И благоденствуй, Родина святая!

Июнь

Бывают дни в июне —
Не жизнь,
А сущий рай.
Пускает солнце слони,
Прег радость через край.
И забываешь горе,
Невзгоды, злой угар.
Не надо мне ни моря,
Ни Кипра, ни Канар.
Так лучезарно небо.
Не жарко...
В самый раз!
...Нигде так счастлив
Не был,
Как на Ису у нас.

Родина-мать

На холм высокий,
Где заснула мгла,
взошла ты выжидающе, несмело.
Конец платка к губам
Приподнесла
Да так вот, в горе,
Вдруг окаменела.
А сзади — тоже в камне —
Твой сынок
Рванулся к амбразуре с автоматом.
Гордись, родная!
Он не одинок:
Любой в России мнит себя солдатом.
Ты здесь стоишь
Уже который год.
Грохочут бури...
Лют дожди косые...
Из молний смотришь ты
В родной народ,
Застывши
Скорбным символом России.

Утренние ощущения

На Ису затопили печи...
А морозы крещенские жмут!
Любо слушать мне ранние речи —
Люди добрые здесь живут.

Звуки русские вместе с рассветом
Льются в душу, как сладкий Спас:
То звенит баритон с фальцетом,
То преблагий шаляпинский бас.

Вдруг узнаю на расстоянии
Тех знакомцев по голосам:
Да ведь это же Мастроянни!
Стоп! — а это Вахтангов сам!

Любо — мило...
Но хватит магии.
Радость — с горечью пополам:
Что ж вы, други: герой и трагик,
Не на сцене, а — по «углам»?

В лесу

Как дикий лось, по лесу шастаю,
Купаюсь в солнце золотом,
Чернику крупную, глазастую,
Хватаю жадно жарким ртом.

И ни печали, ни заботинки,
И ни тревоги, ни беды —
Среди берез в глухой болотинке
Я им запутал все следы.

Но вдруг сороки раскричались,
И сердце вмиг оборвалось.
...Жить без тревоги и печали
Не может даже дикий лось.

Счастье

Что из того, что гаснет камелек,
Что развалился дровянной сарай,
Что ох, как тощ мой бедный кошелек,
Что не попасть мне в заповедный рай,

Что ниоткуда помохи не жди,
Что бьют наотмашь злые словеса,
Зато мне в грядки сеется роса
И падают залетные дожди.

Зато с души нисходит таарам,
Когда ей солнце жалует лучи,
Когда из леса громко по утрам
Мне сладкой флейтой иволга кричит.

А под окном вдруг роза зацвела,
Ромашки процарапали глаза,
Из-под забора «речка» потекла —
Забила незабудок бирюза.

И счастлив я на целых сто годов!
И жаль мне всех, кто так душой убог,
И радость я с любым делить готов:
В моей душе хохочит Бог.

Света

Светлане Вячеславовне Кучумовой —
работнику культуры пос.
Сигнальный, великой и неуемной
подвижнице культуры на селе

Света.
Светлая.
Пресвятая...
От тебя — ореолом свет.
Как я чту,
В восхищеньи тая,
Всю духовность твоих побед!

Не врачай ты
Людские души —
Я б в Сигнальном
Не жил и дня.
Пред собой
Немеют чинуши
И кишмя кишит ребятня.

Всем поселком
Идем на праздник —
В клубе вновь стал
Теснее зал.
Тут на сцене
Лихой проказник
У тебя
Вдруг Карузо стал.

Даже дедушки и старушки
В Новогодье
Пустились в пляс.
Значит, все тут
Арузья, подружки.
Ай да Света —
Подвигла нас!

Увлекла всех, заворожила:
Только пой,
Веселись,
Пляши!
Всех приветила,
Всех впустила
Ты в оазис своей души.

Ты в Сигнальном
И впрямь святая.
Лучик света...
Прочь, нищета!
Достоевский
Был прав, считая,
Что спасает мир
Красота.

Выпью сок калиновый

Рву калину красную,
Словно зорьку ясную, —
Хлещет из корзины красота,
Чтобы в зиму страстную,
Зимушку ненастную,
Мне приснилась
Эта лепота.

Наберу калинушки —
Ягоды-горчинушки,
Наварим компотов, киселей,
Чтоб в снегах мне
Верилось:
Лето — не пригрезилось!
Чтоб зимой мне
Пелось веселей!

Выпью сок калиновый —
Стану антисплиновый
И для всех доступный
И простой.
Вскинусь зорькой ясною,
На добро согласною,
Всех сразу
Душевной лепотой.

Заболел

Ну вот я снова заболел
Стихами...
Пою себе на тысячи ладов,
До зорьки соревнуюсь с петухами —
Куда уж мне до звонких соловьев!

Нет муки слаше,
Чем рожденье слова.
Мне б только спеть
Желанное успеть.

И, коль изменит слух,
Настроюсь снова
Миг чуда ждать,
Чтоб словом заболеть.

Маяк

Тоскую по родимой стороне,
Где сердце с русской
Сказкою шепталось,
Где пело о любви и о войне
И навсегда в родном краю осталось.

Я видел много чудных уголков,
И там костры любви-добра горели,
Но был около них я бестолков,
И изнутри они меня не грели.

Мне снится тропка в звоне бубенцов,
Она опять к родному дому вьется.
Маяк мой там, в краю моих отцов,
Что малой родиной у нас зовется.

Маттиола

Маттиола, дневная соня,
Как невзрачна ты! Как бледна!
Только к вечеру вдруг спросонья
Возрождаешься вновь сполна.

Налятят тут шмели и пчелы,
Зацелуют тебя, заключают.
И кипит хоровод веселый —
Как царице, гимны поют!

Ну а ты в подвенечном платье,
В ароматы погружена,
Вся запышешь восторгом, счастьем,
Милый друг и... чья-то жена.

После грозы

Прошла гроза, бряцая и блестая,
И каждая былинка напилась.
А у людей — как будто волчья стая
Гналась за нами, но не угналась.

Илья-пророк войска свои уводит,
Рассеялись волнения и мгла,
Никто дорогу нам не переходит,
Никто нам не грозит из-за угла.

Все решено. Согласно все и споро.
Пыл разрядился. Страсти улеглись.
И удивляешься тому, как скоро
Мы заново как будто родились.

А помыслы чисты и непорочны.
Цветы цветут в сердцах и на лугу.
Все распри стали гладки и непрочны,
Все муки перемолоты в муку.

Ты мой вожак, кумир и мать-природа!
Я понял это нынче наяву.
Я от тебя не дальше огорода —
В согласии с тобой весь век живу.

Юбилей

Шестнадцатое октября...
Шестнадцать градусов тепла!..
Ах, сколько ласки и добра!
Ты, осень, нынче мне дала!

Держу открытой настежь дверь:
— Входи ко мне на юбилей!
А осень, ласковая дщерь:
— Не простишь и не болей!

От слов кружится голова.
...Когда-то в чахленъкий мой день,
На третий день от Покрова,
Мне осень отверзала сень...

Сегодня, ласками согрет,
Смотрю с надеждою вперед,
И жизни смрадный винегрет
Уж радость ту не отберет.

Еще спешат цветти цветы,
Еще толкнутся комары...
Как, осень, мне с тобой тепло,
И в сердце — празднично, светло!

Березы

Уж не сон ли это,
Уж не грезы ль?
Уж не сказка ль былью
К нам влетела?
Ко дворцу вчера пришли березы —
И вся площадь разом посветлела.

А потом, отпраздновав, березки
О своем — девочоньем — запели,
И мы с ними
Стали вдруг по-свойски,
Наши души тоже посветлели.

В знак любви ответной и участья
К нам березы рученъки сгибают.
Люди улыбаются от счастья,
Я смотрю — и тоже улыбаюсь.

И душа у всех —
С открытой дверцей,
И березы это знают сами:
Их сажали
С просветленным сердцем
Люди с очень ясными глазами.

Бьет светлынь
Во все углы и дали!
Позабудьте, люди, зло и слезы:
Мы вчера
Светлее с вами стали,
И причиной этому — березы.

Май

Дымка зелени над логом,
Дальше — синяя вуаль...
Уведи меня, дорога,
В колдовскую эту даль.

Буду петь с бродягой-ветром
Под весенний перезвон,
Буду в воздухе прогретом
Счастья ждать со всех сторон.

Проберусь широким плацем
В березник через большак,
Где трусливым серым зайцем
Снег запрятался в овраг.

Только здесь пойму до точки,
От волнения сомлев,
Что в березовом платочеке
Счастье ходит по земле.

Лесное озеро

Ты нежно, озеро, шептало,
Ласкаясь кошкою у ног,
Манило,
Глухо умоляло:
— Останься здесь...
А я не мог!

Мне уезжать,
Мне в город надо,
Я у тебя случайный гость.
Зовет автобус с автострады —
Сиреной поле
Занялось.

Мне б взять с собой
Немного неба,
Твоей тревожной глубины,
Мне б в сувениры
Срезать гребень
К высотам рвущейся волны.

Мне бы в себя в obratъ
Хоть малость
Твоей водицы-хрустала,
Чтоб ты всегда во мне
Плескалось
От сентября до сентября.

И не вобрал,
Не взял,
Не срезал...
Ну что успеешь
В пять минут?
Шел от тебя, как на протезах,
Не знал, как боль перешагнуть.

Прощай же,
Озеро лесное!
Оставь за мной печаль и грусть.
Когда июль запышет зноем,
Я все равно
К тебе вернусь!

...Уж сколько лет,
Надежду грея,
Грушу по озеру, томлюсь.
Гоню часы, чтоб шли быстрее,
И все надеюсь,
Что вернусь...

Дамел

Он выбрал тихую делянку
И отбивает нам морянку.
Знать, на березовой коре
Отсюда точки и тире.

Рубашка такая свежая,
А небо такое чистое,
Так мирно поют петухи...

Текут, как рубашки, нежные
И, как петухи, голосистые,
Прозрачны, как небо, — стихи.

Не наблюдал я дикий бой быков
И на корридах не кричал взрывчато.
...А в небе — клочья красных облаков,
Как будто жизнь разорванная чья-то.

Бабка Нюра

Распластались лентами тропинки
Через поле — в лес,
Через года...
Облака — расколотые льдинки —
Уплывают в вечность.
Без следа...

Ухожу —
Уж такова натура,
Такова черники синей власть,
У калитки плачет бабка Нюра,
Вся чистосердечно извелаась.

Ей бы за лукошко
Да на тропку,
Да под сень жемчужных облаков,
Как, бывало,
Ловко да торопко
Обходила крепких мужиков.

Ах, как непривычно оставаться,
Так обидно —
И не рассказать!
Где за молодыми ей угнаться?
Нет, уж лучше тут не рисковать.

Отказались ноженьки в утore
Травушку-муравушку топтать,
Отглядели
Глазоньки на зори,
Рученькам уж ягод не сорвать.

...Засмотрелась бабка у щеколды,
Как тропинки
Нас уводят вдаль.
Облака, как прожитые годы,
Навевают
Тихую печаль.

Сфера радости

Есть только одна сфера
радости — сфера красоты.
А. Фет

Сирень и яблони в цвету...
Хочу восторг из сердца вылить.
Сумею ль эту красоту
Понять, прочувствовать,
Осилить?

Живу враздробь,
Живу вразброс —
Одни невзгоды да печали,
Как на черемуху — мороз,
На Эсмеральду —
Гибель Джали.

Зимой мне грезилась сирень,
И вот,
Вельмокно и красиво
Облокотившись на плетень, —
Как на ладони это диво.

Белее снега яблонь цвет —
Я весь в заносах и сугробах...
И ничего милее нет,
Мне быть таким, видать, до гроба.

Приснится вдруг Аджаристан,
То кто-то сильный,
Всемогущий,
То белояблоневый стан,
То... фиолетовые купчи.

Глаза

Какие встретились глаза
Сегодня утром!
В них были хмель и бирюза,
Блеск перламутра...

Как они пили окоем —
Святая тайна!
Ныряю в них, как в водоем:
— Эх, вира — майна!..

Глаза — Семирамиды сад,
Где мы расстались.
Когда я вынырнул назад,
Они... смеялись.

За Усоль-рекой

Земляника в лесу поспела!
На березовом холодочке
Не сижу в выходной без дела —
Рву каленые уголечки.

Даже ночью — глаза закрою —
Уголечки горят — не тают.
Долго красным пчелиным роем
На меня из тьмы налетают.

Что-то вспыхнет в душе
И погаснет,
Вдруг замрут на лету огонечки.
Тут, как воздух,
Как жизнь,
Как счастье,
Появляются
Красные строчки.

Домой, на Урал!

Я пел дифирамбы югу,
А север все рос и рос.
И тихо душевную вьюгу
Навеивал стук колес.

И долго плакучие ивы
Зазывно кричали вслед:
— Куда ты,
такой несчастливый?
Останься же с нами!...
— Нет!

* * *

Молчите!
Ни вздохом, ни взглядом
Не выдам тоски все равно.
...Уж осень бежала рядом
Махала желтым в окно.

Как будто в тепле и не был...
Сумбурно...
Чего-то жаль...
Под северным хмурым небом
Меня обнимала печаль.

О Родина! Вот я и дома...
Родных-дорогих повстречал —
Тут нега моя и истома.
И тут мой очаг. И причал.

Домой, на Урал!

Я пел дифирамбы югу,
А север все рос и рос.
И тихо душевную вьюгу
Навеивал стук колес.

И долго плакучие ивы
Зазывно кричали вслед:
— Куда ты,
такой несчастливый?
Останься же с нами!...
— Нет!

* * *

Молчите!
Ни вздохом, ни взглядом
Не выдам тоски все равно.
...Уж осень бежала рядом
Махала желтым в окно.

Как будто в тепле и не был...
Сумбурно...
Чего-то жаль...
Под северным хмурым небом
Меня обнимала печаль.

О Родина! Вот я и дома...
Родных-дорогих повстречал —
Тут нега моя и истома.
И тут мой очаг. И приchal.

Чучело

Сделал чучело в огороде
И сейчас на него молюсь.
Не трусливой породы вроде,
Сам до смерти его боюсь.

И откуда такое, право?
Все в округе давно уж спит.
Вдруг задумаюсь,
Гляну вправо:
Что за черт за спиной стоит?

А вороны — так те и рады,
Что все реже хожу во двор.
Для них чучело — знак награды,
У них с чучелом — уговор.

Зима на Ису

За окном метет поземка.
Я один...
И счастье — далькой.
Веет ветер, как болонка,
Но не холодно никако.
Мне уютно.
Сердце сладко
Отдыхает в полудреме —
Все в боях да неполадках,
Вечно в стычках
Да на стреме.
Узумбарские фиалки
Мне приветливо мигают.
На заборе нашем галки
Солнце блеклое встречают.
Все люблю!
Все принимаю.
И со стаей этой громкой
По заснеженному краю
Улетаю за поземкой.

Гуси

Опять томление и боль.
 Опять сомнения и муки...
 О хмурый вечер, ты доколь
 Провытворяешь эти штуки?
 Желаний нет...
 Тоской одной,
 Видать, надолго облекуся.
 Смотрю в окно...
 С пруда домой
 Идут медлительные гуси.
 О гуси, белые снега,
 Хоть вы скажите мне
 Причину:
 Откуда боль? —
 Прошу не лгать —
 Как мне с души
 Согнать кручину?
 А гуси,
 Важностью дыша, —
 О, право, мне они не лгали —
 Так чинно, молча, не спеша,
 С презреньем мимо прошагали.

Внуки

Лишь услышу плач ребенка,
 Вздрогну:
 — Кто там? Что там? Где?..
 Сердце охнет болью звонкой:
 — Уж не внуки ли в беде?..
 Не мои ли ангелочки
 Так заходятся в слезах?
 Черно-белые грибочки,
 Кто вселил в вас боль и страх?
 Не могу сидеть на месте,
 От окна к окну мечусь
 И, не верующий вовсе,
 Богу истово молюсь:
 — Отведи, Господь, напасти,
 Сохрани их и спаси... —
 Утоплю в молитве страсти,
 Как ведется на Руси.
 В лоб приму все ваши боли,
 Страхи все и все бои,
 Чтобы слез не знали боле
 Две кровиночки мои.

* * *

Внука (малые, шаловливые...)
 В санках в садик везу.
 Пою:
 — Передам вас в руки красивые,
 В руки добрые, теплые, милые
 Нежно сдам я радость мою...
 А навстречу — все мамы счастливые,
 Под ногами хрустит снежок.
 Знать, нашел я слова нефальшивые,
 Слова нужные, справедливые —
 С такой песней и жить хорошо!
 Вот и садик.
 Вперед, родимые!
 «Головастиков» там сдаю,
 Как сокровища неизмеримые,
 Как звоночки мои любимые —
 Часть души своей отдаю.

Лето

Выхожу в ромашковое лето...
 Мне от счастья хочется рыдать,
 И кричать,
 И прыгать пиратом —
 Боже мой, какая благодать!

 Все мне мило.
 На лугу, извилист,
 Оглашенно булькает ручей.
 Бесконечно — «чьи вы?» —
 Стонает чибис,
 Весь в обстрелах солнечных лучей.

 Начались в округе сенокосы.
 Пахнет сеном...
 Таволгой, выонком...
 Вон березка растрепала косы,
 Чешет их сосновым гребешком.

 От кого избыток эйфории? —
 Не могу и не хочу понять.
 Буду под эгидой аритмии
 Созерцать,
 Вдыхать,
 И обонять.

 Где-то тяжко громыхают громы.
 Все огрузло.
 Не было бы беды...
 ...Завтра вновь, отринув аксиомы,
 Воевать с войсками лебеды.

* * *

Внука (малые, шаловливые...)
 В санках в садик везу.
 Пою:
 — Передам вас в руки красивые,
 В руки добрые, теплые, милые
 Нежно сдам я радость мою...
 А навстречу — все мамы счастливые,
 Под ногами хрустит снежок.
 Знать, нашел я слова нефальшивые,
 Слова нужные, справедливые —
 С такой песней и жить хорошо!
 Вот и садик.
 Вперед, родимые!
 «Головастиков» там сдаю,
 Как сокровища неизмеримые,
 Как звоночки мои любимые —
 Часть души своей отдаю.

Лето

Выхожу в ромашковое лето...
 Мне от счастья хочется рыдать,
 И кричать,
 И прыгать пиратом —
 Боже мой, какая благодать!

 Все мне мило.
 На лугу, извилист,
 Оглашенно булькает ручей.
 Бесконечно — «чьи вы?» —
 Стонет чибис,
 Весь в обстрелах солнечных лучей.

 Начались в округе сенокосы.
 Пахнет сеном...
 Таволгой, выонком...
 Вон березка растрепала косы,
 Чешет их сосновым гребешком.

 От кого избыток эйфории? —
 Не могу и не хочу понять.
 Буду под эгидой аритмии
 Созерцать.
 Вдыхать.
 И обонять.

 Где-то тяжко громыхают громы.
 Все огрузло.
 Не было б беды...
 ...Завтра вновь, отринув аксиомы,
 Воевать с войсками лебеды.

Перед картиной Репина «А. Н. Толстой на пашне»

Бог в помощь, граф!
Идут лошадки цугом
За тобой,
Как смерды — за вождем.
Ты пером орудуешь, как плугом,
И буровишь плугом, как пером.

Ветерок — по бородатым скулам...
Острый взор...
Ты сам под стать стиху,
Как былинный богатырь Микула,
Мощно налегаешь на соху.

Вечной думой
Омрачились брови,
Будто слово гневное изрек.
Ты вспахал, перетряхнул,
Взбуровил
Всю Россию вдоль и поперек.

Ты умел —
И все кругом дивились —
Так пахать с зари и до зари,
Что на троне
В дикой дрожи бились
Русские бесславные цари.

Время

О, как оно неукротимо!
Как тароваты мы порой:
Торопим дни
Куда-то мимо
Весной, и летом, и зимой.

Скорей! — минуту подгоняем.
Скорей! Скорей! — торопим час
И в серых буднях забываем,
Что жизнь-то нам
Дается раз.

Живем до встречи.
До зарплаты.
До выходных.
До именин.
До свадьбы.
До приезда свата.
А вся-то жизнь — лишь миг один.

И вспыхах бывает круто,
Кого-то где-то губит прыть.
...Отныне стану
жить минутой,
Начну размереннее жить.

Осенняя элегия

Вот и осень пришла...
 Затуманились милые дали.
 Загорелись лесины тревожной,
 Предсмертной красой.
 И вчера мы с тобой
 Их всполох за рекой увидали —
 Видно, рыжая осень
 И к нам приблудилась лисой.

Еще муха летает...
 Последняя глупая муха.
 Сонно тычется в стены,
 В глухие углы, в потолок —
 Ищет, где прикорнуть,
 И, наверное, слышит вполуха
 Комариную песнь
 В позднем теплом луче — под зевок.

Комары пляшут блюз... —
 В меланхолии —
 Смертная пытка.
 Все снуют и толкуются,
 Им... некуда больше лететь:
 Оборвется вот-вот,
 Как тончайшая слабая нитка,
 Разудалая песнь, эта жизнь —
 И настигнет их смерть.

Скоро рамы вставлять:
 Не замедлят и «белые мухи»:
 Продуха уж закрыты.
 В подполье полны закрома.

Доживем до весны —
 Не умрем как-нибудь с голодухи,
 На миру да в ладу
 Не страшна никакая зима.

Все проходит — увы!
 Ну, а мы-то с тобой остаемся.
 Нам Всевышний пока
 Продлевает прижизненный срок.
 Нам друг друга — беречь.
 Мы еще и в турне соберемся —
 Босиком по росе,
 По муравушке... —
 В ближний лесок.

Круиз по Каме

Прекрасен правый берег Камы!
Он неким таинством пропах.
Забывшиесь, все ищу глазами:
А где же Царская тропа?

Нам лик Тавриды,
Что нет краше,
Опять пригрезился с тобой.
И в схватке волн с кормою нашей
Я слышу яростный прибой.

И в самом деле, присмотрися:
Тот берег — Крымская гряда,
А пики елей — кипарисы,
Что колют небо без труда.

А среди сосен, в кущах кленов,
Где тишина, покой, уют,
Седые дачи вверх по склонам,
Как чайки белые, снуют.

Они манят меня. Я слышу:
«Иди, ищи свою судьбу.
Мы, так и быть,
По зову свыше
Укажем Царскую тропу».

И я пойду — пора настала!
Сбегу в Закамье от жары
И растворюсь любовью алой
В лучах малиновой зари.

Память

Что ты сеешь, память-озорница,
Пробежав оленем над снегами?
Отчего мне в городе все снится
Деревянный дом под тополями?

Что в нем — в дряхлом, неказистом доме?
Здесь такие строим исполины!
Но поди ж ты — мыслями влекомый,
Снится шумный лепет тополиний.

Он всегда со мною, с колыбели.
Я ночами, просыпаясь, слышал,
Как деревья дружным хором пели
И вздыхали над тесовой крышей.

А в былую бурю-непогоду
Тополя отчаянно стонали
И рвались за помощью к народу —
Умоляли. Заклинали.
Звали:

— Помогите! — распирало уши.
— Помогите! — крик все громче, шире.
— Еду! —

Недослушанное слушать,
Тополиний зов утихомирить.

На побывку еду в край родимый.
Путь приятный, но — увы! — не близкий.
Мне б услышать звук, душой хранимый,
Тополям поклон отвесить низкий,
Приложить к коряевым их коленям
Головы белеющую замять...
Хорошо, что молнией-оленем
Прибегает к нам седая память.

На хуторе

Пепелище... Трава забвения —
Лебеда да полынь.
Волком вою в уединении
У родимых святынь...

Здесь, на хуторе,
Вхватках с голодом
Жил четырнадцать зим.
Не знаком ни с жульем,
Ни с городом,
Был наивно-неотразим.

А весною, в сопливой младости,
Все встречал журавлей
И летел к ним
На крыльях радости:
Вместе нам веселей!

По рассказам (не по преданиям)
Мудрецов-стариков
Знал историю мироздания
И минувших веков.

Перенял кругозор, мышление,
Их могучую стать,
А к учебе — любовь да рвение,
Мнил прославленным стать...

Все пропало. Прошло.
Прокатилося.
В никуда. В никогда.
Злое времечко приключилося —
Может быть, навсегда.

Вот стою один
В мрачном ступоре.
Прочь отсюда скорей!
Уж не встретит никто на хуторе
Дорогих журавлей...

Мой Карлсон

И мой Карлсон никогда не спит.
Он живет безвылазно на крыше,
В дни лихих утрат и злых обид
Все мои слова и мысли слышит.

Он ко мне спускается, как друг,
С помыслом добра и утешенья.
Наколдует, нашалит — и вдруг
Я в процессе самоочищения!

Или через щели в потолке
Шепчет строчки —
Мук моих заказы,
И пишу стихи! я в уголке,
Как Шукшин на кухоньке — рассказы.

Бедный Карлсон!
Как тебе порой
Холодно, тоскливо, одиноко...
Так спасибо, друг, за непокой,
За твое недреманное око.

Мне не жаль, что жизнь моя во мгле,
Словно росчерк молнии промчалась,
Ведь на этой горестной земле
Мне с тобой, Карлуша,
Не скучалось.

Перепелка

(из детства)

Утомила нудная прополка —
Спать бы, спать сейчас без задних ног,
Но кричит в пшенице перепелка,
И заснуть я с вечера не мог.

Распахни-ка, мама, двери в сени
Да холщовый полог — с плеч долой!
Дай послушать ревностное пенье —
Этот посвист, хлесткий, удалой.

Спит давно намаявшийся хутор.
Мама рядом дышит тяжело:
Ей опять сегодня было круто —
От работ суставушки свело.

День-деньской, как истовая пчелка,
Так трудилась, надрывая плоть,
Что во сне, как эта перепелка,
Все зовет кого-то:
— Подь полоть!..

Повинуясь родниковым звукам,
Выйду с мамой утром на поля.
Вся, отдавшись предродовым мукам,
Встрепенется милая земля.

Улыбнется сердце доброй мамы —
Знать, не зря всю ночь, до зорьки вплоть,
Перепелки слали телеграммы:
— Подь полоть, родные!..
Подь полоть!

Поселку Ис — 180 лет

180 лет... Уже не мало.
И вот мы все на праздник собрались.
В глухих отрогах горного Урала
Не затерялся наш любимый Ис.

Он хоть и болен, но повыше классом
Иных поселков — крепче и бодрей.
Старательская жилая не угасла
У исовских мастеровых людей.

Трудиться с жаром, до седьмого пота.
Болеть душой за весь родной Урал —
Вот их девиз. И спорится работа.
Растет ее итог. Растет накал.

Богатство природных высшего замеса
На век наш хватит без лихих мытарств.
Вон стонет драга за полоской леса,
Вгрызаясь в кладовые тех богатств.

И верится: придет конец всем бедам,
Залог тому — 180 лет.
К своим успехам, звездам и победам
Рванется Исп, как истовый атлет.

Трын-трава

На весенней опушечке,
Где зеленый рассвет,
Насчитала кукушечка
Девяносто пять лет.

Ах, купавы, купавушки,
Выручайте меня:
Дайте силы-затравушки,
Молодого огня.

Как же столько мне выжить-то,
Все расчесть по годам,
Если в сорок все выжато,
Все ушло в никуда?

Что мечталось-лелеялось —
Поросло трин-травой.
Что со мною подеялось? —
Хоть в бочаг головой.

Вот уж впрямь заварушечка,
Насмешишь белый свет:
Насчитала кукушечка
Девяносто пять лет...

Одна...

Дочь спилась... Не навещает боле...
 Как ноет сердце! Чтоб его унять,
 Одна хожу в заснеженное поле:
 Пуста дорога...
 Дочь ведь тоже мать...
 Тут внук прибился...
 Начал колобродить:
 Ни дня покоя — трезвым не бывал,
 Зарплату всю на кутежи изводит.
 Ох, горе-горе... Нет житья — аврал!
 Пойти к друзьям?
 Но и тут сердце стынет:
 У всех — развал. И людям — все равно.
 Одна...
 Одна брожу в своей пустыне.
 И страшно мне.
 И на душе темно...

Синица

Как стрелы — ветры буйные,
 Могильник — сеновал.
 Мороз цветов кладбищенских
 В окне нарисовал...

Но птаха желтогрудая
 Уже поет: «Динь-донь»!
 Из тучки красно солнышко
 Мне село на ладонь.

... И ты, такая светлая,
 Как солнышко, плыешь,
 И песенка дуэтная
 Нам легче всяких ноши.

И вновь судьбой повеяло,
 И сердце льет огонь...
 Ах, дорогой звоночек мой,
 Долдоны свое «динь-донь»!

Я дожусь

На Урале великий холод,
На термометре — пятьдесят...
А я снова душою молод,
Все ловлю твой прощальный взгляд.

Провожаю тебя на поезд...
Ты скорее назад приезжай
В нашу снежно-ледовую повесть,
В замороженный горный край.

Видишь: в панцире снежном сосны.
Но и к ним снизошла любовь.
Но и к ним прилетают весны
И волнуют живицу — кровь.

Я дожусь!
Словно Герда к Каю,
Ты взойдешь на мое крыльце.
...Долго-долго в окошке мелькает
Бесконечно родное лицо.

В марте

Весна... Морозы прикорнули,
Метели с заимок ушли.
Висят метровые сосули,
Нацеленные в центр Земли.
И солнечный квадрат на шторе...
И в окна льется бирюза.
На сердце — нега... В милом взоре
Снует живинка-егоза...

Весна на Ису

Все стронулось. Поехало. Поплыло...
 Ис улыбнулся томно и светло!
 От солнца сердце радостно заныло
 И зло куда-то тихо уползло.

Бродячий ветер, свой порыв устроив,
 В бреду любовном лизнет тень ракит.
 И снежный городок, как крепость Трои,
 Уж весь в руинах плачущих лежит.

И верба, вплоть от пяток до макушки,
 Взахлеб цветет среди чумных ручьев.
 И не летят в мой сад, к своей кормушке,
 Уж орды вороватых воробьев.

Я радуюсь с весною-замарашкой,
 Кроная к худосочному стишку,
 Как смелый юноша в одной рубашке,
 Смеясь, идет по талому снежку...

Ручей

В снегах родился ручеек —
 У скотских куч, помоек, грязи.
 А на дороге он — поток
 Чистейшей радости и связи.

Но в чем соблазн великий есть?
 Так хрусталем струя лучится,
 Что просто хочется присесть
 И, обезумевши, с ней слиться.

Сражен кристальной чистотой,
 Вот-вот в себя открою дверцу
 И сполосну струею той
 Грязь мыслей, мусор чувств и сердца.

Этот май...

Этот май отменно хороший:
Полыхнуло — белым-бело, —
Всю черемуховой порошкой
Нашу улицу замело.

Следом яблоня в сне глубоком
Встрепенулась, открыла взор.
Белым облаком волооким
Нахлобучилась на забор...

Пью и пью аромат весенний —
И не стыдно своих седин.
... Эстафету берут сирени,
на подходе — толпы рябин...